

СИМПОЗИУМ «ПУТИ РОССИИ – 2010»

29–30 января в Московской высшей школе социальных и экономических наук прошел 17-й международный симпозиум «Пути России: Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии». В анонсе организаторы мероприятия следующим образом разъяснили основной смысл избранной тематики: метафора «будущее как культура» симметрична метафоре «прошлое как культура», которая представляет «историю как “культурную антропологию прошлого”», а отношение времен — как отношение культур. Сама возможность истории оказалась связана с возможностью представления прошлого в настоящем; исследование же прошлого стало способом познания настоящего». Тем самым организаторы предложили аналогично отнестись и к пониманию будущего. Во вступительном слове Т. И. Заславская отметила насыщенность программы: выбрать, какие секции посетить, было сложно.

Открывая пленарное заседание, главный редактор издательства «Новое литературное обозрение» Ирина Прохорова предложила обсудить тему со следующего номера журнала «НЛЮ», посвященного истории России как неотъемлемой части мирового сообщества. Николай Скорин-Чайков на материале социально-антропологических исследований разных культур проиллюстрировал множественную темпоральность примерами различных временных систем. Изменчивость представлений о времени, по существу ту же множественную темпоральность, Лев Гудков показал, опираясь на данные социологических опросов российского населения. Александр Аузан рассказал о начале исследований модернизации неформальных институтов в России. Виктор Воронков завершил пленарное заседание презентацией нового журнала социальных исследований «Laboratorium».

Карин Клеман и Иван Климов вели секцию «Будущее гражданского общества в России: общественные движения и гражданские инициативы в конце двухтысячных». Илья Штейнберг указал, что понятие «гражданское общество» плохо поддается операционализации в полевых исследованиях, и предложил изучать формы самоорганизации населения. Изучая динамику общественных движений в России, Карин Клеман обнаружила противоречивые влияния мирового финансово-экономического кризиса: в одних движениях она наблюдает раскол, в других — стремление к консолидации. Петр Бизюков в докладе о механизмах регулирования трудовых конфликтов отметил тенденцию выхода трудовых протестов в публичные пространства. Михаил Рожанский проанализировал факторы, позволившие «Байкальскому движению» добиться ощутимых успехов. Андрей Коновал рассказал о специфике социально-протестных движений в Ижевске. Вячеслав Данилов, анализируя изменения языка внутренних записок в политическом аппарате, отметил две тенденции: (1) термины и самоназвания общественных движений постепенно вытесняются стигматизирующими ярлыками, (2) в документах,

которым по жанру положено описывать положение дел, стал отчетливее отражаться взгляд политических структур на современное российское общество. Алек Эпштейн, рассуждая о взаимоотношении власти и экспертизы, выразил озабоченность, что интеллектуалов стали привлекать к обсуждению проблем экстремизма в качестве возможного аппарата цензуры и подавления. Олег Васильев рассмотрел, как изменился режим допустимой свободы слова в двух художественных дискурсах: о религии и психоактивных веществах. Два доклада были посвящены молодежным движениям: Елена Омельченко представила результаты исследования движений скинхедов и антифа, Ольга Мирясова — политических движений. В заключение Иван Климов рассказал о ситуации, сложившейся в Сочи в связи с подготовкой к Олимпиаде, и о трансформации социокультурного пространства города.

Доклады одной из центральных секций симпозиума «Настоящее воображаемого будущего», по словам её руководителя Натальи Самутиной, были объединены сложившейся оптикой исследования утопического мышления. Александр Дмитриев представил анализ мемуаров российских министров, планировавших образовательные реформы. Игорь Нарский проинтерпретировал семейные реликвии как проводники между прошлым и настоящим, прошлым и ненаступившим будущим. Ряд выступлений был посвящён искусству и литературе. Наталья Самутина представила доклад о фильме А. Медведкина «Новая Москва» (1938 г.), который не выходил в широкий показ, но в настоящее время активно обсуждается в блогах. Режиссер представил образ идеального города сталинского генерального плана реконструкции Москвы и сделал это столь неоднозначно, что оставил возможность увидеть в нем своеобразную пародию. Ирина Каспэ осветила различные типы восприятия творчества Стругацких. Татьяна Дашкова представила доклад о репрезентациях космической темы; её популярность в отечественном кинематографе она связала с ностальгией по советскому прошлому. Ольга Астахова проанализировала особенности балетов, поставленных Алексеем Ратманским. В ряде выступлений речь шла о присутствии утопического элемента в пространстве современных российских городов. Оксана Запорожец, обнаружив в Самаре множество «космических пространств», раскрыла социокультурные смыслы, которые могут актуализировать переключение внимания горожанина с «посюстороннего» городского пространства на пространство космического. Лариса Пискунова и Игорь Янков представили доклад о том, как разные «утопии» исторических проектов обустройства Екатеринбурга сосуществуют в современном городе. Сергей Никитин рассказал о создании ВВЦ, как утопическом проекте сталинской архитектуры, и о функциях, которые он должен был выполнять. Борис Степанов обратился к анализу другого утопического архитектурного проекта — к недавно «реконструированной» усадьбе Царицыно, которая, строго говоря, никогда не была достроена и теперь обретает черты не только исторического памятника, но и развлекательного объекта. В заключение Александр Филиппов дал социологическую интерпретацию трансформациям публичного пространства в центре Москвы на примерах проекта реконструкции Манежной площади и превращения торгового центра «Охотный ряд» в мнемотоп.

На секции «Автономия культуры как исследовательская стратегия: в поисках социологических оснований культурных ресурсов воображения»,

организованной Дмитрием Куракиным, обсуждались подходы к исследованию культуры. Владимир Попов указал на концептуальную неясность базового тезиса об автономии культуры, выдвинутого основоположником культурсоциологии Джеффри Александером. Кирилл Гаврилов представил основные положения “cultural theory” М. Дуглас и ее последователей и указал на концептуальную непроработанность связей между различными уровнями анализа и базовыми понятиями. Два доклада были посвящены проблематике эмоций. Ольга Симонова представила обзор возможных подходов к социологическому исследованию эмоций с учетом культурных факторов. Мария Деева сосредоточилась на конкретном кейсе — популярном сериале «Теория лжи» (“Lie to me”), который, по её мнению, дает богатый материал для культурсоциологического изучения эмоций. Эльна Орлова предложила исследовать искусство как социокультурное пространство, в котором происходит первичное осмысление всех возникающих проблемных ситуаций. Дарья Хлевнюк на примере конкретных работ показала возможности культурсоциологического исследования памяти. Екатерина Фень раскрыла богатый теоретический ресурс культурсоциологии для исследования «новых мобильностей», необходимость изучения которых обосновал Дж. Урри.

Несколько секций на симпозиуме были посвящены проблемам теоретической социологии. На круглом столе «Событийное строение социального мира: как (не)возможно уникальное событие?» обсуждалась тема, которая, по заявлению участников, волнует сразу несколько групп исследователей. Олег Хархордин доказывал, что социология не может предсказывать и даже описывать уникальные события, поскольку она занимается массовыми процессами; уникальные события можно уловить только в перспективе телесности и её инфраструктуры. Александр Филиппов согласился с тем, что уникальные события оказываются вне внимания социологии; если понимать событие как элементарную и неделимую частицу социального, то каждое событие в некотором смысле уникально, а если уникально каждое, то эта категория становится бесполезной. Вадим Волков обратил внимание на другую категорию, которая часто выпадает из фокуса интереса социологии, — категорию ошибки; социология либо вообще не признает возможность ошибки, либо своеобразно ее понимает. Светлана Баньковская отстаивала прерогативу социологии производить формальный анализ события, увязывая его с действием посредством категории интенции; тогда уникальное событие можно описать с помощью понятия контрфинальности, учитывая, что непредвиденные события дают нам лишь иллюзию уникальности. Виктор Вахштайн предложил понимать событие как смысловой комплекс, который наблюдатель воспринимает в системе фреймов; несмотря на то, что уникальные события выламываются из систем фреймов, создают новые формы социальных смыслов, они могут встраиваться в повседневность с помощью разных механизмов.

На круглом столе «Социология социологии vs. эпистемология социологии» обсуждались основания социологической науки. Петр Сафронов обратил внимание на актуальность как одну из составляющих когнитивного стиля социологии и предложил различать два аспекта актуальности: онтологический и эпистемологический. По его мнению, эти два регистра в социологии во многом противоречат друг другу. Социология социологии вместо того,

чтобы снимать это противостояние, скорее его обостряет, что приводит к сакрализации социологического знания и неприменимости к нему критериев научности. Андрей Корбут показал несколько способов описания геометрических объектов, отметив, что в отличие от геометрии, социология изучает феномены, которые создают не социологи, а обычные члены общества. Социологи закрывают на это глаза и вводят теорию. По мнению выступавшего, социологии следует освободиться от претензии на теоретизирование и обратиться к изучению обыденных феноменов, которые естественны, просты и на них легко указать. Виктор Вахштайн говорил о том, что с момента появления социология постоянно расширяла сферу своего интереса, что привело к размыванию понятия «социальное». Михаил Соколов сосредоточился на противостоянии социологии науки и эпистемологии, которые, по его мнению, безуспешно вторгаются в области друг друга и не могут там закрепиться, поскольку оба описания научного факта — и социологическое, и эпистемологическое — упираются в неразрешимые противоречия.

Из-за насыщенной программы автор не имела возможности посетить секции «Малые сообщества: ориентируясь в различных культурах» А. Никулина, «Социология и время» Б. Дубина, «Культура будущего и междисциплинарные исследования» И. Утехина, а также круглые столы «Будущее религии и религии будущего» П. Костылева и И. МаксUTOва и «Экспертиза будущего: содержательные и методологические аспекты и последствия» Е. Петренко, Р. Абрамова и О. Оберемко. Пробелы для читателей, которые не принимали участия в симпозиуме, сможет восполнить сборник его докладов, готовящийся к печати.

Д.О. Хлевнюк,
стажер-исследователь ЦФС ИГИТИ ГУ–ВШЭ